

В iPad, который Сяо Цзин сжёг для него, он видел, как они живут припеваючи. Их беззаботная жизнь была куплена ценой его смерти.

Шэнь Тан разжал зубы. Губы, покусанные им самим, стали ярко-алыми и пухлыми, что придавало им лёгкую чувственность. Ли Цзефан какое-то время смотрел на эти губы, и в его голове внезапно возникла неуместная мысль: «А ведь у этого грозного духа очень соблазнительный рот...»

Шэнь Тан спросил:

— А почему он покончил с собой?

— А? А... молодёжь... — Ли Цзефан опомнился и замялся. — Несчастливая любовь, всякое такое...

Шэнь Тан спросил просто так, от нечего делать. Он в душе презирал самоубийц и не стал углубляться. Возможность вернуться в мир живых и отомстить была слишком соблазнительной.

— Ладно. Согласен.

— А? — Ли Цзефан не сразу сообразил.

Шэнь Тан молча смотрел на него.

Ли Цзефан засуетился:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Сейчас оформлю все документы!

Говорят: «Царя подземного мира увидеть проще, чем справиться с мелкой сошкой». Но Шэнь Тан как раз умел справляться с мелкими сошками. Он посмотрел на асимметричное лицо служащего, и вдруг его кольнула совесть. Он поднял руку и похлопал того по плечу. Ли Цзефан дёрнулся, будто его ударили током. Шэнь Тан принял из его рук сертификат на перерождение и сказал:

— Прости за тот удар, браток.

Ли Цзефан поспешно закивал, что всё в порядке, и с облегчением проводил взглядом исчезающую фигуру Шэнь Тана. В душе он молился: «Надеюсь, он не заметит, что в резервном досье намеренно упущено много деталей... Лишь бы спокойно переродился».

Когда сознание вернулось к Шэнь Тану, первым, что он почувствовал, был резкий запах дезинфекции. Затем до него донеслись прерывистые всхлипывания. Он пошевелил веками. Прожив семь лет без солнечного света, он не мог сразу привыкнуть к яркости. Когда он наконец смог разглядеть женщину с синяками под глазами, она уже заговорила:

— Тантан, ты проснулся?

«Тантан»? Шэнь Тана передёрнуло от отвращения.

Воспоминания прежнего хозяина тела начали всплывать. Шэнь Тан открыл рот, и его собственный слабый голос испугал его самого:

— Мама... у тебя тушь растеклась.

Женщина заплакала от радости и слегка шлёпнула его по руке:

— Глупый мальчишка! Даже в такой момент не удержишься от шуток! Чуть не довёл маму до инфаркта!

Возвращение в мир живых было чудесным ощущением. Шэнь Тан хотел улыбнуться, но тут на него обрушился мощный поток воспоминаний. В глазах потемнело, и он снова провалился в небытие.

Оказалось, что прежний хозяин этого тела, Шэнь Тан, тоже был геем. И к тому же обладал даром выбирать самых неподходящих людей — влюбился в того, кто интересовался только его кошельком. Подумав об этом, Шэнь Тан чуть не рассмеялся. Разве он сам не вырастил такого же «ненасытного волка», который в итоге лишил его жизни?

Этот Шэнь Тан действительно был младшим сыном председателя правления корпорации Чанда, Шэнь Чанхуа. Но, если быть точным, — незаконнорождённым сыном. Ту женщину, что только что была здесь, звали Го Мэйцзюань. Она была младшей женой Шэнь Чанхуа. Первая жена давно умерла, но из-за сопротивления старшего сына, Шэнь Чэна, они не могли жить в главном доме. У его матери и Шэнь Чанхуа даже не было свидетельства о браке, так что официально она была всего лишь любовницей.

И это называется «богатым наследником»? Ясно, что у служащих загробного мира правды ни в одном слове. Шэнь Тан с гневным сарказмом прикидывал, насколько реален план снова покончить с собой, вернуться и хорошенько проучить Ли Цзефана.

— Тантан?

Шэнь Тан без энтузиазма отозвался:

— Мама...

— Врачи сказали, что опасности нет. Просто промыли желудок, и ты был без сознания целые сутки, организм ослаб. Но больше так нельзя, слышишь? Говорят, что твоё спасение — настоящее чудо. — Го Мэйцзюань уже умылась. Шэнь Тан увидел, что у неё хорошо сохранившаяся кожа и изящные черты лица, хотя она выглядела измождённой. Она продолжала бормотать:

— Скоро придут твой брат и отец. — Она запнулась. — Не говори лишнего, чтобы снова не разозлить папу.

Шэнь Тан был полон сложных чувств после того, как его надули, и слушал её вполуха, лишь машинально кивнув. Тут он почувствовал, что мочевого пузыря вот-вот лопнет. Взглянув на капельницу, он с досадой сказал:

— Хочу в туалет.

Го Мэйцзюань тут же встрепенулась:

— Я позову санитаря!

— Не надо. Я помогу.

— Ачэн? — Го Мэйцзюань с лёгкой подобострастностью осторожно окликнула.

В дверях палаты стояли двое мужчин — Шэнь Чанхуа и Шэнь Чэн. Шэнь Чанхуа, лет

пятидесяти с небольшим, с громким голосом и начинающейся лысиной. Шэнь Чэн — высокий, держался прямо. Он проигнорировал Го Мэйцзюань, подошёл к койке и помог Шэнь Тану подняться.

Шэнь Тан позвал:

— Папа.

Шэнь Чанхуа лишь фыркнул в ответ. Шэнь Тану было не до церемоний — он счёл это за согласие. Тело долго не получало нормальной пищи, держалось лишь на капельницах. Голова была тяжёлой, ноги ватными, а мочевого пузыря распирало. Неуверенно опираясь на Шэнь Чэна, он кое-как добрался до туалета, сделал свои дела, с облегчением вздохнул и пошёл мыть руки.

Взгляд скользнул по зеркалу, и Шэнь Тан застыл:

— ...Чёрт побери.

В зеркале отражался юноша с чистой, фарфорово-белой кожей, прямым изящным носом, тонкими губами и большими влажными глазами с густыми, словно опахала, ресницами. Хотя ему был 21 год, лицо было настолько юным, что он походил на старшеклассника. Нет, даже на старшеклассницу.

Шэнь Тан изо всех сил пытался вспомнить: он только что справлял нужду, держась за свой мужской орган, это факт. Он понял: в воспоминаниях прежнего хозяина тела переодевание в женское было настолько привычной, неотъемлемой частью жизни, что его мозг просто пропустил эту деталь.

«Шэнь Тан» носил длинные волосы, спадающие на плечи, и чёлку до бровей. Если бы не абсолютно плоская грудь под больничной пижамой, его вполне можно было бы принять за хорошенькую школьницу.

Шэнь Чэн, по-видимому, считал, что Шэнь Тану стыдно подолгу задерживаться в мужском туалете, и раздражённо буркнул:

— Хочешь полюбоваться на себя — вернись в палату и смотри сколько влезет. Не стой здесь столбом.

Эти слова вывели Шэнь Тана из ступора. Он был полностью согласен — сам он тоже не мог больше смотреть на этот образ.

Шэнь Чанхуа и Шэнь Чэн, убедившись, что Шэнь Тан в порядке, растеряли и тень первоначального беспокойства. Шэнь Чэн от всей души считал, что этот сводный брат — позор семьи, мастерски вляпывающийся в истории, и мрачно молчал. Шэнь Чанхуа же использовал любую возможность, чтобы отчитать его за «наваждение», «безрассудство» и «ни мужик, ни баба». Го Мэйцзюань набросилась на него:

— Ты что, расстроился, что сын не умер? Ты хоть день в жизни о нём заботился?

Шэнь Чанхуа тоже вышел из себя:

— Это ты воспитала такого сына! Посмотри, во что он превратился!

Когда они уже собрались устроить скандал прямо в больничной палате (и без того достаточно пикантной из-за попытки суицида трансвестита), у дверей начали собираться любопытные медсёстры, привлечённые шумом. Шэнь Чэн поспешно увлёл за собой отца, чтобы избежать дальнейшего позора.

Шэнь Тан тоже вздохнул с облегчением. Он в изнеможении откинулся на больничную койку, мысленно разнося в пух и прах пустобрёха-служащего Ли Цзэфана из Управления перерождений Фэнду.

Го Мэйцзюань, однако, всё поняла неправильно. Она села на край кровати, и глаза её покраснели:

— Тантан... это всё мама виновата. Из-за своей беспомощности заставила тебя страдать.

Шэнь Тан, рано оставшийся без родителей, почувствовал, как в груди что-то сжалось. На самом деле Го Мэйцзюань не была «разлучницей». Она сошлась с Шэнь Чанхуа уже после смерти первой жены. Но тогда Шэнь Чэн был ещё ребёнком, и родственники, подзуживая, твердили: «Вот теперь у папы появился другой сын, он тебя больше не любит!» В итоге маленький Шэнь Чэн так и не смог принять эту молодую красивую тётю.

Так что свидетельство о браке между родителями Шэнь Тана откладывалось снова и снова. Все те мелкие унижения и сложности, о которых не расскажешь посторонним, в итоге привели к тому, что до сих пор они официально не расписаны.

Го Мэйцзюань чувствовала себя виноватой перед сыном и баловала его до беспамятства. Увидев, что тот пытался покончить с собой, она была в отчаянии. А тут ещё Шэнь Чанхуа пришёл его ругать. Выпроводив мужа, она погрузилась в самобичевание.

Шэнь Тан поспешно сказал:

— Мам, я в порядке.

Но Го Мэйцзюань вытерла слёзы:

— Тантан, носи ты женскую одежду, люби ты мужчин — ты всё равно мой сын. Но больше никогда, слышишь, никогда не делай такой глупости! Если с тобой что-то случится... я тоже не смогу жить.

Если Шэнь Тан и принял в тот миг решение остаться в этом теле и жить этой жизнью, то именно в этот момент.

Если «Шэнь Тан» умрёт снова... он даже не мог представить, как это переживёт эта женщина.

Он понял, что, возможно, ему самому всегда так не хватало любви, что, получив хоть каплю её от Тан Юйсюаня, он готов был отдать всё без остатка. В этой жизни он позволит себе роскошь — познать, что такое материнская любовь. А раз уж он занял чужое тело, то исполнит и сыновний долг перед его матерью.

Пусть будет Шэнь Тан.

[Примечания к главе отсутствуют]